

фантастическая
история

Книги Григория Рожкова
в серии «Фантастическая История»

АМЕРИКАНЕЦ
АМЕРИКАНЕЦ. НЕРАВНЫЙ БОЙ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Григорий Рожков
Американец.
Неравный бой

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р63

Рожков Г.

Р63 Американец. Неравный бой: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 312 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1469-7

Конец 1941 года. Вторая мировая в самом разгаре. Первый лейтенант Майкл Пауэлл (он же наш современник Артур Арсентьев) в буре кровопролитной войны находит друзей и брата. Им вместе предстоит совершить то, на что не решатся пойти другие. Им посчастливится выжить, стать сильнее и победить. Победить в неравном бою.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1469-7

© Рожков Г. С., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Тихо сейчас, спокойно. Белорусская лесная глушь, слегка тронутая осенним дыханием, умиротворяет. Редкая минута, когда можно забыть о том, что творится в мире. О том, что идет война...

Страшное это слово — «война». Особенно для человека, втянутого в нее по чужой, возможно, корыстной воле. Что я, Артур Арсентьев, недоучившийся юрист, старший сержант запаса, забыл здесь?

Брошенный на раскаленную сковороду войны в самые первые ее минуты, в самом пекле, ранним утром двадцать второго июня одна тысяча девятьсот сорок первого года, я выжил. Мир вокруг меня, моя жизнь, и сам я — все изменилось. Здесь и сейчас я — Майкл Пауэлл, американец, рейнджер, командуя целым взводом, имею боевые награды. И ведь сражаюсь не где-то на тихоокеанских островах или в песках Северной Африки. А в самой что ни на есть Белоруссии. Не потому что просто оказался здесь, а потому что США помогает Советскому Союзу не одним лишь ленд-лизом, но и живой силой. Уже целым Экспедиционным корпусом помогает!

Удивительно? Да, вне всяких сомнений — удивительно... И вообще мир здесь своеобразный. В Америке коммунисты в сенате, в СССР в магазинах кока-колу продают, поляки с немцами дружбу водят, и прочие чудеса истории. Местной истории. Которая, ко всему прочему, щедро слобрена нема-

лым числом путешественников во времени, медленно, но верно изменяющих мир.

Чудеса? Они самые! Жаль, что эти чудеса не помогли во-все избежать Второй мировой войны. Они лишь перекроили ее начало. Европа уже на коленях перед рейхом, а СССР — бьется. Насмерть бьется. Вот только вчера Бобруйск сдали. Сам там бился, и целый батальон оттуда выводил, с танками, машинами, артиллерией. А ведь на дворе середина сентября. Не июнь месяц! Целый сентябрь! Медленно фашисты продвигаются, и это радует...

Вот сейчас мы и еще батальон красноармейцев — разбили лагерь здесь в лесу, в тылу врага, вдали от товарищей, и думаем, как жить дальше. И я думаю. Хотя мысли мои заняты тем, что непонятно как и откуда здесь, рядом со мной, появились мои друзья и мой родной брат...

Глава 1

СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОМОЩЬ

Что может быть лучше, чем кружка горячего ароматного кофе, выпитая с утра в кругу близких? Только тот же кофе и с теми же людьми, но не в сорок первом году в лесах Белоруссии, а в теплом и уютном две тысячи двенадцатом году в центре Москвы...

Но — увы и ах! Благо война пока осталась в стороне, а кофе и душевная компания — со мной. И еще лучше, что друзей не пришлось отбивать с боем. Сначала, конечно, все встало с ног на голову. Сержант Вадер излишне сильно напрягся, когда по идее не знающие друг друга люди оказались знакомы. Так сильно, что особист сложил все, что знал обо мне и «задержанных», за пять секунд! А складывать фактически было нечего, и, видимо основываясь исключительно на своих домыслах и том, что Майкла называли Артуром, а он и откликнулся, пришел к выводу, что мы тут все злопасные диверсанты и завербованы Абвером. Поэтому «молчи-молчи», не афишируя своей взволнованности, направился к выходу предупредить милиционера, стоявшего на посту. Ему это удалось, только нужного особисту развития событие не получило.

Появление Кинга с отделением рейнджеров спасло всех от абсолютно непредсказуемых последствий. Сэм притормозил Вадера «до выяснения обстоятельств», о которых я максимально информативно побеседовал со своим замом. Первый сержант очень сильно удивился, узнав о неожиданном обнаружении новых попаданцев — моих товарищей из

родного мира. А уж то, что один из них мой родной брат, — вообще вышибло Кинга из колеи. Но стоит ему отдать должное — собирать волю в кулак он умеет.

После нашего разговора он вышел из землянки вместе с особистом и уже через пять минут вернулся обратно — и моих друзей и брата отпустили, чему я был неслыханно рад. Но у свободы были условия: им категорически запретили покидать территорию лагеря, за ними будут наблюдать милиционеры, и конечно же им под страхом лютой смерти запрещено брать в руки оружие. Эти меры временные и будут действовать ровно до момента подтверждения полномочий Сэмуэля Кинга. А чтобы подтвердить эти явно секретные полномочия, нужно связаться со штабом корпуса и сделать соответствующий запрос. Но тут еще паровозиком цепляются важные вопросы — в штаб кроме запроса надо еще сообщить о том, где мы находимся, о численном составе и качественном состоянии нашего соединения, по возможности необходимо запросить эвакуацию тяжелораненых. Но прежде всего требуется составить полные списки находящихся здесь военнослужащих, чтобы знать, сколько всего осталось солдат, способных держать в руках оружие, и сколько всего раненых. И еще надо четко определить наши боевые возможности — сколько у нас единиц боевой техники, пулеметов, минометов, гранатометов, а также топлива, боеприпасов, медикаментов и продовольствия...

— Артур?.. — Голос брата прервал мои размышления, смешавшиеся с воспоминаниями событий получасовой давности.

— Да-а-а... То есть нет. — Подняв взгляд от кружки остывающего кофе, я посмотрел на сидящих рядом друзей. Ответ мой их явно удивил.

— Не понял... Тогда — кто ты? Ты ведь сказал, что ты — Артур! — напрягся Юра.

— Не ори так. — Я нервно оглянулся на сидевших неподалеку милиционеров, но они все так же мирно занимались своими делами, лишь время от времени поглядывая на

нас. — Я ЗДЕСЬ, если ты не заметил, американский воен-нослужащий. Я — Артур, но все считают, что я Майкл Пауэлл, поэтому забудьте про мое прошлое имя. Напрочь забудьте!

— О как... Докажи, что ты... э-э-э... Артур, — не отступал друг, но мое имя он произнес уже значительно тише. По взглядам остальных я понял — этот вопрос их тоже тревожит. Пришлось вспоминать некоторые моменты из нашего общего прошлого, о которых было известно лишь нам, и никому другому.

Юра, удостоверившись в том, что я — это я, подобрел и наперебой с Димой начал задавать вопросы:

— Что у тебя с лицом? Что с твоим голосом? Как ты здесь очутился? Что у тебя с ногой? Когда ты успел стать американцем? Кто тебе дал звание? Что происходит на фронте?..

— Погодите! Не торопитесь, — остановил я друзей. — Все по порядку... Лицо посекло осколками в первый день войны, двадцать второго июня. Во время боя в расположении пограничного отряда. Голос у меня тоже с первого дня такой. Почему — не знаю, также не знаю, как и почему я, да и теперь вы, — мы оказались здесь. Ногу вчера осколком гранаты зацепило, сейчас уже все в порядке. Американцем я стал, забрав документы у убитого первого лейтенанта. Тоже в первый день войны. Но это непростая и довольно длинная история... — покачал я головой.

— Ого! Ты тут уже с середины лета! — удивленно воскликнул Дима.

— Наверное, и награды есть? — с ехидным выражением лица спросил Люлин.

— И награды есть... Но об этом позже. Обо всем — позже. У меня сейчас есть дела. Вот разберусь с ними — и тогда мы все вместе спокойно поговорим. — На этих словах я кивком подозвал Стэна, все время сидевшего в десятке метров от нас, и мы вместе с ним отправились в центр лагеря.

Нехорошо вот так вот разговоры прерывать, да еще с единственными в этом мире родными мне людьми, но на

душе было очень плохо. В первый миг после встречи я был счастлив, эмоции переполняли меня, а потом... Потом пришло время разума, и он подсказал мне одну совершенно ужасную вещь — и брат, и друзья могут погибнуть здесь, на этой войне...

Как же быть? Как их защитить?! То, что они рядом, — хорошо, но если бы они были далеко, в родном мире, в безопасности, то было бы еще лучше... Мозг в тот миг не стал развивать мысль, и меня заклинило. Я молчал, и близкие тоже молчали. Они многое понимают, я вижу, но и им от этого ничуть не легче. Слова есть, но желания говорить их — нет. По крайней мере, сейчас. Нам всем нужно немного времени...

Выбить из головы хотя бы ненадолго все тяжкие мысли помогает труд. Эта хитрость меня который раз выручает. Раз надо готовить сообщение в штаб, значит, следует обсудить этот вопрос на общем собрании командиров нашего сводного отряда. В первую очередь обсудить с командиром батальона союзников — старшим лейтенантом Климентом Томиловым, тем самым старлеем, принявшим на себя командование после гибели капитана Огородникова. По пути к Томилову перехватил Кинга и озадачил его срочными делами — созданием полных списков боеспособного личного состава, раненых и техники. Учитывая тот факт, что и я, и капитан Дэвидсон еще в городе делали подобные списки, задача первого сержанта значительно облегчается, и думаю, скоро уточненная документация будет у меня. Дополнительно попросил позвать ко мне второго лейтенанта Оклэйда и штаб-сержанта Гэтри.

Старлей разместился со своим небольшим штабом в одной из запасных землянок охраны на другом краю склада. Томилов и Вадер что-то негромко обсуждали, когда мы со Стэном вошли в ярко освещенную электрическим светом землянку.

— Здравия желаю, товарищи командиры, — поприветствовал я командиров.

— Здравия желаю, товарищ первый лейтенант, — поднявшись со своего места, Томилов крепко пожал мне руку и предложил присаживаться к столу.

— Stan, you may go¹. — Райфл козырнул и вышел из землянки.

— Спасибо, с удовольствием присяду...

— Мы с товарищем Вадером обсуждаем положение, в котором мы все вместе оказались, и что нам с этим положением вообще делать. — Климент говорил спокойно, без единого намека на волнение или опасение. И похоже, это не только в отношении нашего положения, но и лично в отношении меня. Вадер ничего не рассказал старлею обо мне и моих близких? Неужели слова Кинга на него так сильно подействовали? Надо будет Сэма по этому поводу поспрашивать...

— Я именно по этому поводу и пришел...

До прихода вызванных людей с нужными мне списками нам удалось найти оптимальное решение по установке связи с нашими штабами. Отправлять две группы связистов — американских и советских — в разные стороны можно, но риск привлечь внимание врагов к неожиданно проявившимся непознанным передатчикам велик. Один источник радиосигнала немцы со своими союзниками, может быть, стерпят, списав на запаниковавших американцев, влетевших в окружение и судорожно запрашивающих помощь. А вот несколько источников радиосигнала в одном районе, пусть даже с разбросом в полсотни километров, — это уже пахнет неприятностями и может значить, что тут несколько подразделений, пусть даже маленьких, по типу разведгрупп, или подразделение одно, но достаточно большое, чтобы иметь пару радиостанций. Вывод — две группы связи отправлять настоятельно не советуется, а одну, объединенную, с одной рацией — можно. А то, что и советскому, и американскому радисту придется работать по очереди с одной рации, особой проблемой не было. Пусть враги голову ломают: «Чего это радист почерк изменил и на другой волне дальше стучит?»

---

¹ Стэн, ты можешь идти (англ.).

Вскоре от вопроса «как?» (организовать связь) мы перешли к вопросу «что?» (передавать по этой связи), и для этого нам наконец понадобились собравшиеся товарищи со сводными данными. На некоторое время и я, и Томилов углубились в чтение рукописных документов.

Пробежавшись по строчкам списка личного состава, я невольно зарычал. Оказывается, на момент прорыва в нашей с Дэвидсоном объединенной и усиленной группе было около восьми сотен солдат, включая танкистов, зенитчиков и все вспомогательные силы, а до склада добрались всего четыре с половиной сотни, включая раненых. А этих самых раненых аж целых пятьдесят семь человек, и среди них почти половина — тяжелые! С этим надо срочно что-то делать...

С техникой дела обстоят у нас не в пример лучше, чем с людьми. Грузовиков полтора десятка, самоходок «Росомаха» — восемь штук, включая требующих ремонт, три легких танка М3 Стюарт (молодец Пул, все машины сохранил!), пять джипов «Додж — три четверти»: два обычных и три с тридцатисемимиллиметровыми пушками, четыре зенитных самоходных установки: три «Занавески» и трофейная немецкая ЗСУ, еще пара бронированных подвозчиков боеприпасов, три автоцистерны, три бэашки, ПАРМ¹, трейлер и еще по мелочи несколько единиц разномастной техники.

Тяжелого вооружения у нас тоже оказалось немало — три с лишним десятка гранатометов «Базука», батарея восьмидесятидвухмиллиметровых батальонных минометов, две неполных батареи шестидесятимиллиметровых ротных минометов, одна-единственная «сорокапятка», два двадцатимиллиметровых трофейных зенитных автомата.

На бумаге американская часть нашей сводной группы выходит очень даже неслабой. Но вот загвоздка — оружие без боеприпасов стрелять не станет, танки и машины без горючего никуда не тронутся, а люди без еды и отдыха ничего не смогут сделать. Отложив в сторону бумаги, я обернулся к Томилову и уловил его полный усталости и скорби взгляд.

---

¹ Передвижная авторемонтная мастерская.

— Ну вот, товарищ Пауэлл, от батальона мотопехоты, усиленного двумя взводами легких танков и батареей дивизионных орудий, осталось всего двести тридцать бойцов, включая три десятка раненых... А вчера вечером батальон насчитывал шестьсот красноармейцев, и командовал им целый майор, а не старший лейтенант, — Климент постарался скрыть свое глубокое огорчение, но голос его немного дрогнул, выдав внутреннее состояние. — Э-эх!..

— Да-а-а, дела-а... — Ничего иного сказать я не смог. Беда у товарищей была больше и темнее нашей. Но стоит отметить, мне везет на союзников — Томилов довольно быстро взял себя в руки, и мы продолжили нашу работу, и в первую очередь обратились к Оклэйду, вроде бы изучившему информацию о наличных на складе запасах.

— На топливном складе три полные десятилитровые цистерны с бензином. На складе боеприпасов есть неприкосновенный запас патронов, рассчитанный на восполнение боекомплекта ко всему вооружению целого моторизованного батальона, то есть там есть почти все. Патроны, гранаты, — перечислял лейтенант, не сверяясь ни с какими бумагами, — мины есть и патроны к крупнокалиберным Браунингам... — На пару секунд Оклэйд замолчал, что-то вспоминая. — Да, точно, там еще несколько ящичков с ракетами для «базук» есть. В погрузочной зоне, под навесами, пятьдесят ящичков со снарядами к сорокапяти-, семидесятишести- и стопятидесяти- миллиметровым орудиям. Продуктов на складе еще много. — С этими словами собеседник встал с ящичков, на которых сидел, и ловким движением вскрыл верхний. Зашелестела бумага, и Оклэйд извлек из ящичка тускло блеснувшую металлической крышкой банку. Подойдя к нам, он со смачным стуком опустил банку на стол. — Но это в основной своей массе консервированная еда — крабы, бобы, русская тушенка, свинина и прочее. Свежих продуктов почти нет. С медикаментами хуже всего, их почти все вывезли в дивизию. Ну, вот и все по запасам, сэр.

Быстро же Оклэйд все разведаль, молодец. Хоть в чем-то, но молодец. Справился с поставленной задачей.

— Thank you, lieutenant¹. Успели перевести, товарищ Вадер?..

Особист коротко кивнул.

— Да-а, повезло со складом. — Старлей немного повеселел, но как только я обратился к сержанту Гэтри, он вновь превратился в слух. По-английски старлей не понимает, но я ему все подробно перевожу.

— Что у нас с техникой, сержант?

— Сказать что-либо точное о состоянии большей части техники сейчас не смогу, сэр. Нужно провести парковый день и все внимательно проверить, тогда я смогу дать точную информацию. На данный момент можно определенно говорить о двух самоходках, требующих длительного ремонта, и о паре грузовиков с поврежденными двигателями. Это все, сэр. Простите. Разрешите идти, я начну подготовку к парковому дню.

Слегка наклонившись вперед, я приблизился к Гэтри и поглядел на его лицо, а именно — на глаза. Красные, воспаленные, окруженные темными кругами, они говорили о многом.

— Никаких парковых дней на сегодня, сержант Гэтри. Приказываю вам и вашему подразделению отдыхать минимум до... — оборачиваюсь к Томилову и гляжу на его наручные часы, — до четырех часов после полудня. Застану кого из твоих ребят за работой до указанного срока — все попадете под арест. Запру на складе, и будете спать. Приказ ясен?

— Да, сэр! Приказано отдыхать, сэр! — козырнул он. Молодец, все понял.

— You can go, sergeant².

Гэтри, слегка пошатываясь, покинул помещение.

Так, теперь остались только хозяйственные вопросы, за которые отвечает все тот же Оклэйд.

---

¹ Спасибо, лейтенант (англ.).

² Можете идти, сержант (англ.).

— Что у нас с размещением людей и организацией лагеря, лейтенант? Кратко и по существу.

Офицер уже подготовил нужные записи и перешел сразу к делу:

— Да, сэр. Большая часть личного состава обеих групп размещена в пустых помещениях складов, на поверхности на данный момент завершается развертывание палаточного лагеря для остальной части личного состава. Для обеспечения безопасности лагеря от угроз с воздуха проводятся усиленные работы по маскировке. Из-за густоты леса развернуть батарею зенитного прикрытия нет возможности. В помощь охране выделено два дополнительных взвода, выставлены дополнительные усиленные посты. Благодаря содействию старшего лейтенанта Томилова сразу по прибытии на склад было организовано горячее питание для всех желающих, в дальнейшем, по моему мнению, надо будет скоординировать наши действия для обеспечения питания всех солдат.

— Товарищ Пауэлл, у вас в подразделениях есть хоть одна кухня? — осведомился Томилов, выслушав перевод слов Оклэйда.

— Нет, кроме пяти кухонных двадцатилитровых термосов для супа, у нас нет никакой посуды для приготовления пищи с расчетом на большое количество едоков... — пожал я плечами.

— Ага... У нас есть две полевые кухни, — кивнул в сторону выхода старлей. — Одна наша, из полка, вторая тоже наша, советская, но сначала захваченная поляками, а ночью, во время боя в деревне, отбитая нами. Так что организуем всеобщее питание: ваши продукты и наши кухни.

Это я перевел Оклэйду, и он быстро что-то записал в блокноте.

— Продолжай.

— Да, сэр. После приема пищи по лагерю отдан всеобщий приказ отдыхать. Бодрствующими остались лишь инженеры, которых вы отправили отдыхать, группы, занима-

ющиеся организацией лагеря и маскировки, а также охрана. Организован лазарет для всех раненых. Сильно не хватает квалифицированных медиков, очень нужен хирург либо срочная эвакуация в тыл, иначе тяжелораненых мы не спасем... — Заглянув в блокнот, лейтенант продолжил: — Ближе к вечеру часть медиков проведет всеобщий осмотр, так как имеет место сокрытие ранений и отказ от медицинской помощи. Сэр, еще у меня есть некоторые... кхем, заметки, разрешите? — Дождавшись моего кивка, он сказал: — Сэр, было бы полезно проверить и расширить сеть электроснабжения от складских генераторов, особенно это важно для лазарета. Так же считаю целесообразным выставить на подъездной дороге наряд, усиленный противотанковыми орудиями или бронетехникой... Еще вот что...

Да-а, в тот момент Оклэйд удивил меня, и удивил по-настоящему сильно. Трус-то он трус, но хозяйственник из него вроде как неплохой. Чего уж там — отличный хозяйственник! Он четко расписывал — что, где и для чего надо сделать. Что-то мне подсказывает, не в первой линии окопов должен быть сей фрукт, а в штабе...

После доклада второго лейтенанта наше совещание подошло к своему логическому концу, мы договорились по вопросам совместного существования, подготовили сообщения в штабы, в завершение определились с составом группы связи — в ней пойдут пятеро рейнджеров и пятеро советских разведчиков. Командовать группой будет первый сержант Кинг, его заместителем назначен сержант ГБ Вадер. Удобный вышел расклад — двусторонний контроль, ни гэбэшник, ни рейнджер из ОСС на себя «одеяло» власти не потянет, а значит, беды ожидать не стоит. Уставшие, но довольные продуктивной работой, мы с Томиловым пожали друг другу руки и отправились к своим подразделениям...

Как же хорошо на свежем воздухе! Всего-то пару часов в «подземелье» посидел, а уже устал от этого давящего со всех сторон замкнутого пространства. Да и вообще вымотался я. Делом был занят — чувствовал себя как огурец: ни ранение,

ни бессонные сутки, наполненные бесконечными поездками, боями и вновь поездками, не выбивали меня из колеи. А вот стоило оторваться от работы и выйти на свежий воздух — как все тело начало наполняться гнетущей тяжестью, словно в каждую клетку тела ввели свинец, двигаться и даже думать стало невыносимо сложно, веки против моей воли стремились сомкнуться, закрыв глаза спокойной темнотой. Опираясь на плечо Райфла, кое-как удалось проковылять через замерший, успокоившийся после тяжелой работы лагерь и добраться до брата и друзей, отдыхающих под пристальным наблюдением милиционеров.

— Фу-у-ух... — Присев на уступленный братом ящик, я по мановению ока забыл обо всех своих тревогах и страхах, осознал ошибочность моих прежних мыслей...

Оказавшись на войне, любой человек с головой погружается в опасность — что на фронте, что в тылу, — различия лишь в степени сей опасности. Я на войне, и мой брат на войне, и Юра, и Дима, все здесь, и все — на войне.

Чего я хотел? Не для себя, для них — единственных родных мне в этом мире людей.

Безопасности.

После того как увидел их утром, я и обрадовался, и огорчился. ЗДЕСЬ, в этом мире, опасно находиться. Разум расчетливо подсказал: береги их! Отправь в тыл, потребуй от кураторов из НКВД и ОСС обеспечить максимальную безопасность новым попаданцам, главное — чтобы они были живы и здоровы...

Но! Хотят ли они этого? И на самом ли деле этого хочу?..

Здесь. Сейчас. Рядом с братом и друзьями я впервые за все время пребывания в этом мире успокоился. По-настоящему успокоился!

Нет, я не могу их отпустить. Разум вновь подсказывает, что сотрудники НКВД и ОСС не зря свой хлеб едят... Им нельзя доверять до конца. Скажут одно, а сделают другое. Не из коварных, злых побуждений, нет, а потому что так, по их мнению, может быть гораздо лучше для всех. Скажут:

«Мы не дадим никакой опасности навредить вашему брату и друзьям!» — а сами подумают: «Пары шустрых попаданцев на свободе хватит, Пауэлла и еще одного оставьте, остальных — отдайте науке». Или вообще начнут меня шантажировать: «Твой брат у нас, делай так, как мы хотим, иначе...»

— На тебе лица нет, Ар... кхем... Майкл. — Юра, сидевший напротив, подался вперед. — Плохи наши дела, да?

— Не-э-э-а-а-а... — Смачно зевнув, отмахнулся я. — Усе в порядке, шеф!.. Как только особисту из штаба подтвердят информацию обо мне, он сразу вас отпустит, еще и оберегать вас начнет, это я гарантирую... Но вы главное — меня держитесь, и все будет в порядке... Это я... тоже гаран... тирую... — Сидя на неудобном ящике, я тихонько отключился — и уже на грани сознания подметил: «Мне так много хочется вам рассказать, друзья...»

— Сэр. — Дьявол, я глаза прикрыл только что, на пару минут... — Проснитесь, сэр, — настоял на своем голос.

— Что случилось? — Откинув одеяло, я обернулся к нависшему надо мной Кейву. Хм-м, секунду. Я лежу? Когда я успел прилечь?

— Группа связи вернулась, сэр. — И он так это спокойно сказал, что мне стало нехорошо. Сколько я проспал, черт побери?! Резко вскочить с жалобно заскрипевших ящиков не дала нога, но быстро сесть и прильнуть к окну палатки, а именно в палатке я и находился, удалось. Ох, блендамет мне в зубы, снаружи уже сумерки! В полутьме слышны голоса, смех, чьи-то негромкие команды, звуки топора — лагерь пробудился. А первый лейтенант Майкл Пауэлл, и. о. командира американской части подразделения — спит!

— Сколько сейчас времени, Рик?

— Без пяти восемь, сэр, — весело ответил Кейв, но, увидев мой взгляд, посерьезнел и даже по стойке «смирно» вытянулся.

— Почему меня никто не разбудил? Почему?.. — Я начал закипать, и причиной тому было чувство стыда. Командир спит, пока все трудятся...

— Сэр, доктор приказал не трогать вас, дать вам выспаться, сэр! А приказы врачей и командиров — не обсуждаются, так вы нас учили, сэр!

М-да, ничего тут не скажешь. И правда — учил...

— Ох, черт с тобой, красноречивый. Где сейчас группа связи?

— Солдаты принимают пищу, сержант государственной безопасности Вадер и первый сержант Кинг скоро подойдут сюда, сэр.

О, это даже хорошо, что сюда, не придется ногу нагружать.

— Спасибо, Рик. Будь добр, принеси мне поесть, а потом можешь быть свободен. — Сержант добился своего — я не разозлен, а значит, победа за ним и можно расслабиться. Кейв улыбнулся и, «сэркнув», убежал выполнять мою просьбу.

М-да, поспал я знатно, раз группа связи успела уйти и вернуться. По плану ребята должны были отмахать на юго-восток, в сторону поселка Мошны, примерно пятнадцать километров, там густой лесной массив и болотистая территория, отличное место для выхода на связь. Туда-сюда — три десятка километров по труднопроходимой территории... Быстро парни управились...

— ...Ха-ха-ха! Точно! Точно ведь, именно под Мадридом это и было! Мы тогда отбили у франкистов двоих русских командиров и одного путешественника — и на трофейном грузовике уходили, а за нами увязались националисты...

— Да-да! Ну точно, это ты и был! Тот броневтомобиль, что следом за вами выскочил на дорогу, я «молотовым» поджег!..

Услышав знакомые голоса, весело обсуждающие некие похождения, я выглянул из палатки и ахнул. Кинг и Вадер чуть не в обнимку шли к моей палатке, возбужденно жестикулируя и смеясь. Ни хрена себе расклад...

— Ты?! Вот спасибо, товарищ! Если бы не ты, все, конец бы мне был!.. — Первый сержант по-дружески стукнул особиста в плечо и замер, увидев меня. Видимо приняв мое удивление за возмущение, Кинг вытянулся по стойке «смирно». — Сэр! Задание выполнено, связь со штабами установлена, сэр!

Вадер тоже замолчал и посерьезнел:

— Товарищ первый лейтенант!

— Проходите, друзья закадычные, присаживайтесь, рассказывайте, как у вас дела... — елеинным голосом предложил я. Сэм слегка вздрогнул плечами, а Ханнес стал еще серьезнее, но глаза его немного забегали. — Заходите, говорю.

Особо долго расписывать свои похождения сержанты не стали, в пути ничего не приключилось, а передача информации в штабы прошла на удивление легко и быстро, так как на той стороне все «выслушали» очень внимательно и даже дали краткий ответ на личный запрос Вадера.

— ...Удивили вы меня, товарищ Пауэлл: путешественник — и служите в армии! Но тут не мое дело. Несмотря на то что я и имею допуск к делам путешественников, такого, как вы, я еще не видел... Ну а уж то, что ваш, так сказать, полевой куратор первый сержант Сэмуэль Кинг мой старый знакомый, хотя и заочный, — вообще фантастика. Повезло так повезло!.. — На мой удивленный взгляд Сэм лишь ухмыльнулся, а Вадер пояснил: — Во время Гражданской в Испании довольно часто мне приходилось участвовать в операциях по обеспечению безопасности советских, американских, французских и испанских фронтовых и агентурных разведчиков. И, как сегодня выяснилось, в половине тех случаев я прикрывал товарища Кинга...

М-да, вот так неожиданность. А Сэм-то непрост, ох непрост. Но я не услышал главного — свободны теперь мои близкие или нет?

— Да, занимательная история. Но для начала я хотел бы узнать другое...

— Я понимаю, товарищ Пауэлл. Товарищей я отпускаю окончательно, им вернут оружие и все вещи — оружие у них

было? Значит, они воевали и, скорее всего, еще будут воевать. Есть у меня такое чувство. Даже больше — уверенность. С этого момента за них отвечает товарищ первый сержант. Мне же приказано обеспечивать наиболее благоприятные условия для вашей работы. Все, что мне известно о вас и ваших товарищах, — секретная информация и дальше меня не уйдет. Я переговорю с товарищем Томиловым по этому поводу, о сути дела ему знать не стоит, но лишние подозрения нужно отвести. — На миг замолчав, Ханнес почесал затылок, сдвинув на лоб фуражку. В ту секунду особист стал выглядеть довольно комично. — Честно говоря, я поражен тем фактом, что в штабе ЖДАЛИ известий о вас, товарищ Пауэлл, и моментально дали мне ответ. Но это хорошо, это значит, вам и вашим словам можно верить.

— Спасибо, Ханнес, — без официоза поблагодарил я. Выходит, зря себя накручивал на тему «кровавосталинской гэбни» и идиотов-особистов. Но вот кое-что требуется поправить. — Только есть одно «но»... Я буду говорить начистоту... — Переведя дыхание, я продолжил: — Ответственность за освобожденных берет первый сержант, но до момента нашего выхода из окружения прошу вас, сержант госбезопасности Ханнес Вадер, взять шефство над моим братом и друзьями. Они — не военнообязанные, хотя на двоих форма пограничных войск. Для них этот мир — невиданное, неправильное прошлое, в котором сложно разобраться, к которому сложно привыкнуть, сложно в нем не выделяться. Им нужно помочь. Это могу сделать я, и это можете сделать вы, сержант. — Лицо Вадера стало каменным, а глаза загорелись огнем. — Если они, советские граждане, будут подчиняться американскому офицеру, то есть мне, это вызовет очень большие подозрения. Ничего противозаконного, опасного в этом не будет, но как объяснить, что мы с ними родственники, да еще из другого мира? А если вы, сотрудник особого отдела, примете под свое командование пограничников и образованных гражданских, юристов, к вашему сведению, никто ни в чем не усомнится. И даже

то, что новые ваши подчиненные были только вчера вами же и задержаны...

— Они прошли проверку, это советские честные бойцы и добровольцы, отважно сражающиеся в тылу противника, из штаба подтвердили их личности, — на полном серьезе закончил за меня особист. Эх! Зря я плохо думал о нем, зря.

— Верно, вы меня поняли. Могу ли я считать это ответом на мою просьбу?

— Да, можете, товарищ первый лейтенант. Никто не будет задавать лишних вопросов моим подчиненным. Думаю, в первую очередь вам лично стоит оповестить вашего брата и друзей о замысле.

— И вновь верно. Сразу видно опытного и понимающего человека.

Разговор с Вадером прервал Кейв, не входя в палатку, обратившийся ко мне:

— Сэр, разрешите войти?

— Заходи, Рик. Поставь на ящик. — Рейнджер сделал движение к ящику у входа, вроде как собрался поставить котелок и кружку, а сам посмотрел на меня, ожидая ответа. — Да-да, на этот. Спасибо, можешь быть свободен... Так, товарищ Вадер, думаю, мы с вами закончили, поторопитесь к товарищу старшему лейтенанту: не дело красному командиру в первую очередь делать доклад иностранному офицеру. И... я надеюсь на вашу помощь. — После нашего рукопожатия особист ушел, и мы с Кингом остались наедине. — Спасибо тебе, Сэм. Если бы не ты — боюсь, и меня, и моих друзей вместе с братом к стенке... — Почему-то в голову полезли худшие образы того, что могло с нами случиться из-за недопонимания.

— Я — твой «полевой куратор», это моя работа, моя обязанность. И что бы ты ни делал, отвечать придется мне... — Больше ничего не говоря, Кинг ушел, оставив меня одного размышлять. Он прав, но сейчас не время для серьезного разговора на эту тему. Не время...

Брата и Юру я нашел сидящими в землянке, недавно бывшей их темницей. Они с самым наисерьезнейшим видом возились с нехилой кучей оружия.

— Садись... тесь... первый лейтенант, — с хитрой улыбкой пригласил Юра.

— Ага, спасибо. Но на будущее учти: к солдатам и офицерам армии США в РККА принято обращаться «товарищ». — Друг лишь ухмыльнулся. — И где остальные? И что это у вас за арсенал, бойцы?

Посмотреть было на что. В руках Иванов крутил частично разобранный РПД-40, брат — СВС-40 с оптическим прицелом, под ногами на грязной тряпке еще одна СВС, но с гранатометом, ППШ, МП-40, карабин М1, два револьвера Гуревича, пистолет Кольт М1911, ракетница, в небольших сумках десятков гранат Ф-1 и пяток «колотушек» и, что странно, небольшое количество боеприпасов.

— Дима с Денисом рацию забирают, Миша с милиционерами пошел по складам за боеприпасами и продуктами для НЗ. — Юра лениво пощелкал затвором пулемета, проверяя его ход.

— Оружие... Оружие это добыто в боях, — без эмоций ответил мне брат. — За три недели перестрелок, бегства по лесам и... — голос Серого дрогнул, Юра скривился и отложил «дегтярь», — ...и плена...

Наступила тяжелая тишина, я, честно говоря, запаниковал. Мысли забились с дикой силой: «Они были в плену!», «Их арестуют за предательство Родины!», «Их могут расстрелять!» Спокойно, первый лейтенант!

Взял себя в руки и четко понял — глупости это! Приказа о репрессиях пленных нет и никогда не было, в нашем мире точно, а здесь и подавно такой гадости не будет! Они попаданцы — уникальные «шустрые» попаданцы, и я их нашел. И я же их буду оберегать. Ха-ха! Хрен всяким гадам будет, а не аресты с расстрелами!..

Пока мы молчали, Серый собрался с духом и вновь заговорил:

— Мы здесь три недели. С девятнадцатого августа бродим по полям и лесам... Нас выбросило в эту реальность восточнее Пинска, на берег реки Припять... — Пришлось устраиваться поудобнее: брат, похоже, решил рассказать все, что происходило с ним и остальными.

Повествовал сначала один Сережа, но постепенно к нему подключился Юра и пришедшие с кучей вещей и коробок Дима, Денис и Миша. Я слушал и гордился своими друзьями. Юрик и Серый оказались поначалу одни, лишь с тем, что было в руках на момент попадания: с двумя вещмешками, хранящими только скромный реконструкторский паек, — по банке тушенки, по буханке хлеба и фляге холодного чая на каждого. Неожиданная смена местности и времени суток заставили сначала задуматься, затем разобраться с непонятками. Понаблюдали они за окружающим миром и кое-что усекли. Самолеты с крестами в небе, ушедший по палубу в воду расстрелянный бронекатер со звездой на рубке и относительно свежие следы ведения боевых действий как бы намекали, что неведомым образом веселых реконструкторов занесло в героическое и жестокое прошлое — Великую Отечественную. С бронекатера, а точнее, из его рубки и оружейной башни удалось добыть первое оружие — «дегтярь» с четырьмя снаряженными дисками и револьвер с полусотней патронов. Вышла такая спонтанная пулеметная пара: первый номер, с «дегтярем» — Юра, второй, с боеприпасами — Сережа. Оружие удивило их — ничего подобного они никогда прежде не видели, но списали это на возможность существования прототипов, о которых просто мало кому известно. Больше на катере взять было нечего — остальное либо разнесли вдребезги сотнями попаданий пуль, снарядов и осколков, либо было затоплено в отсеках, куда лезть очень рискованно. Там же, на бронекатере, осознание реальности происходящего стало сильнее — Юра нашел останки двоих матросов-канониров и капитана, которых похоронили на берегу, напротив их погибшего, но не сдавшегося на волю врагу боевого корабля. Отдав последний

долг погибшим, попаданцы наострили лыжи на север, так как берега реки в том месте сильно заболочены, идти на восток было невозможно. Через несколько часов они вышли к окраине небольшого поселка и сразу же окунулись с головой в самое отвратительное, ужасное и темное на этой войне — кровь и смерть. Перед поселком со стороны, откуда шли Юра и Сергей, оказался неглубокий овраг, в который горой были свалены десятки тел мирных жителей и бойцов РККА...

Сергей прервал на миг рассказ и упер взгляд в ярко светящую под потолком лампочку. Юра ожесточенно встрепал свои кучерявые черные волосы и, словно загнанный в ловушку зверь, вскочил и заметался по землянке. Даже у меня внутри все сжалось, и сердце пропустило удар от одной лишь попытки ПРЕДСТАВИТЬ то, что им довелось УВИДЕТЬ. Но дрогнувшим голосом брат продолжил...

Пока они смотрели на тысячеликый ужас войны, в поселке началась стрельба. Кровавая пелена застила глаза попаданцев, и они с непоколебимой решимостью и злобой пошли в поселок. Там в бой с десятком полицаев, возглавляемых двумя немцами — унтером и лейтенантом, — вступили четверо стрелков, занявших позиции в домах. Латыши, а именно латышами оказались полицаи, вооруженные трофейными эсвээсками и ППШ, и немцы с «эмпэшками» явно одолели бы слабо отбивающихся из пары винтовок и пистолетов бойцов, но, проспав появление у себя в тылу пулемета, они потеряли свое преимущество. Юра с Серегой, меняя позиции, перестреляли половину полицаев и обоих фрицев и вынудили сдаться оставшихся в живых коллаборационистов. Когда на месте боя собрались уцелевшие местные жители и сопротивлявшиеся бойцы, Сергей встретил Диму, Дениса и Мишу — они, как оказалось, вышли к поселку на час раньше, и, когда приехали полицаи, они смогли скрыться в разрушенном доме и даже увидеть и услышать все, что происходило до начала боя.

Слово взял Денис, и впервые в жизни я ощутил в его голосе злобу и агрессию. Он не говорил — рычал. Столь сильны были эмоции.

Он рассказывал, как полицаи согнали жителей и начали требовать выдачи раненых солдат врага — красноармейца и американского летчика. Староста, назначенный немцами, сдал своих соседей, но в их домах не нашли искомым раненых, и взбешенный фашистский офицер приказал латышам убить двоих стариков и женщину. Началась стрельба, двоим полицаям быстро снесли головы снайперскими попаданиями, остальные сильно занервничали, и их из пулемета щедро одарили свинцом Юра и Серый. Сдались лишь трое латышей.

— ...Мы их расстреляли, — с пугающей легкостью и радостью сообщил Люлин. — Посмотрели на овраг с Юрой, вернулись в поселок и расстреляли. И я стрелял, и парни тоже. — Дима и Денис одновременно поежились, но взглядов не отвели. Черт, они ведь и правда тех фашистов расстреляли. — Не смотри на меня так, Майкл, я не сумасшедший. И они не сумасшедшие! Я ненавижу фашистов! С той самой секунды, как увидел тот овраг, ненавижу и буду ненавидеть, пока Знамя Победы не поднимут над Рейхстагом!..

Не поверить этим словам было невозможно, глаза друзей были ясны и полны яростного огня. Они — изменились, и очень сильно изменились... Возможно, даже сильнее, чем я.

Миша, перехватив право голоса, продолжил рассказ.

После расстрела полицаев были похоронены погибшие в перестрелке американский пилот и сапер-красноармеец. Пилот, тяжело раненный в грудь и голову, плохо сознавал, что происходит, и во время перестрелки вышел из сарая, в котором его прятали жители. С кольтом в руках он пошел на полицаев и застрелил одного из них, до того как погиб сам. Сапер с перебитыми ногами прятался на чердаке дома прямо напротив места, куда согнали жителей. Он и снял первого полицаю, продолжая стрелять, пока его не засекли. Погиб

боец в конце боя, пытаюсь спуститься с чердака в дом: поймал шальную пулю в шею и истек кровью.

Двое выживших стрелков, скрывавшихся в поселке, оказались... девушками! Но не простыми девушками, а краснофлотцами, санитарками из 6-й отдельной роты морской пехоты Пинской военной флотилии. Вооруженные самозарядной винтовкой всего с семью патронами и пэтэтэшкой с одним-единственным полным магазином, они без страха вступили в бой с превосходящими силами, хотя имели все возможности сбежать, в отличие от раненых.

Перед уходом из поселка мнимые старшие сержанты погранвойск приняли под свое командование изъявивших желание прорываться к фронту санитарок-морпехов и добровольцев из гражданских — Диму, Дениса и Мишу. Даже подвели под это импровизированную легенду, что пограничники были якобы знакомы с этими добровольцами еще со школьных времен, проведенных в Москве. Взятые с уничтоженных врагов трофеи разделили, часть перешла на вооружение новоиспеченной группы прорыва, часть — местным жителям, на создание партизанского отряда. Экспроприировали попаданцы еще и грузовик, на нем и махнули лесными дорогами на восток, к фронту. Но вскоре пришлось свернуть на север, а потом и вовсе — на северо-запад, прочь от фронта: немцам категорически не понравилось, что в их тылу уничтожили группу вспомогательной полиции и двух офицеров. На попаданцев началась охота.

Полторы недели друзьям удавалось бегать, прятаться на болотах и время от времени стрелять по фашистам. Тихой сапой удалось им подползти почти к самому Солигорску, а там немецкие танки, польская пехота и дикая контрразведка, мечущаяся вокруг города, словно в седалище ужаленная. Там и попались. Устроили в лесу временный лагерь недалеко от села Червонная Слобода, решили переждать нездоровую суету и поразмыслить, как дальше жить. Сходили в деревню за харчами, а там, видать, просекли появление чужаков и сообщили куда надо. Иванов под утро встал на часы,

тогда-то из темноты и вынырнули егеря и тихонечко всех приняли.

— ...Когда меня крутили, кляп в зубы совали, думал — все! Порежут сейчас ребят — и кранты... Я с жизнью простился!.. О-о-ох... Но не убили нас! Скрутили — да, но никого не убили... Почему так, не знаю! — Юру и ребят затрясло.

И меня затрясло.

Твою мать! Как это — оказаться в руках врага, повиснуть на волоске от смерти? Как?! Ужас это!..

Юра спокойным голосом продолжил.

...В Солигорск попаданцев и девушек не повезли, а доставили в деревню Веска, на недавно организованный пункт содержания пленных. Это указало парням, что скоро немцы пойдут в наступление и будет еще хуже, чем сейчас. Никто не трогал ребят, не допрашивал, просто фашисты держали всех без крыши над головой, на голой земле, за двумя рядами колючей проволоки, на гнилых объедках и воде. Еще повезло, что в морячках, с их короткими прическами, надвинутыми на глаза бескозырками, большими бушлатами и брюками клеш, не разглядели девушек, иначе насилия было не миновать.

Почти неделю они пробыли в лагере, пару раз в лагерь доставляли пленных советских и американских солдат. На тот момент Сергей смог убедить остальных попаданцев, что этот мир — не тот, что им известен. Да и не так это было важно, особенно в сравнении с реальностью плена.

— ...Честно говоря, хотелось помереть — жара, пыль, вонь... Хорошо, хоть людей в лагере было немного, еды всем хватало... Еды, х-ха! Слышь, Юр, да? Едой это назвать сложно. Но на безрыбье и рак рыба... Да и вообще. Сколько мы в фильмах видели ужасов плена, но не сильно это цепляло. А ощутили только малую долю тех страхов — сразу зацепило! До самых до печенок зацепило и дернуло! Тьфу... Одно радует — сбежали. На лагерную охрану напали хорошо организованные партизаны. Отбили нас, одним словом. В Весках мы вернули свое оружие и снаряжение, у немцев там

трофейщики расположились, мы их и пошмонали. Партизаны ушли в леса, с ними часть пленных, а мы с остальными — к фронту. Только так до него и не дошли, убежал он от нас. А дальше ты знаешь, Майкл, дотопали за лавиной фронта до этого склада, прибились к охране и вновь очутились в заточении...

— ...И опять оказались свободны. Да-а-а, ребята, потрепало вас...

Мысли резко пробежали в голове и вычленили тот факт, что целую неделю они были в заключении, но не скопытились, как иные попаданцы. Неужели нас можно упрятать за решетку?! Или, может, в их случае все было иначе из-за открытого пространства и быстрого освобождения?.. Не знаю. Ну да ладно, не стоит пока этого вопроса поднимать.

— ...Мои приключения в сравнении с вашими — что детский сад против академии наук, — сокрушенно признался я по окончании двухчасового рассказа. Собеседники тоже подустали, потягивались, разминая затекшие конечности. — Но я очень и очень рад, что все вы живы и здоровы... С этого момента за вас несем ответственность я и мой заместитель, первый сержант Сэмюэль Кинг, тот чернокожий парень, что помогал вас освободить.

— Ответственность? Что это значит? Они что, знают, откуда мы? — В пронизательности Сергею не откажешь. — Объясни.

— Думаю, ты прав, да и в любом случае мне надо вам кое-что поведать, так сказать, для общего образования... — Теперь все устраивались поудобнее, готовясь слушать мое повествование.

Рассказывать пришлось долго, что и понятно: я здесь пробыл значительно большее время, чем ребята. Многие вещи, начиная с Договора Содружества между СССР и США, широкой интеграции экономик двух могущественных стран, иной геополитической ситуации в мире и заканчивая появлением в этой истории предметов, технологий, знаний, значительно обгоняющих время, удивляли слуша-

телей. А вот информация о пребывании в этом мире большого количества медленно восстанавливающихся попаданцев из разных ветвей истории и живущих здесь по своим, особенным правилам, не вызвала особых эмоций. Да и то верно: чего этому удивляться, особенно после собственного переноса из родного, мирного будущего в наполненный бурлящей кровью котел истории самой страшной войны за все время существования человечества. Вот что всякие попаданцы дают на-гора — это интересно! Но при этом для товарищей удивительным оказался факт, что таких попаданцев, как я, а теперь и они, — раз-два, и обчелся. А если говорить еще точнее, то, кроме нас «шустрых», похоже, и вовсе не было и нет. Выложив эти факты, мне удалось легко донести информацию о моей опеке в НКВД и ОСС, которая с сегодняшнего дня распространялась и на брата, и на друзей. Они это поняли и согласились с необходимостью находиться под ненавязчивым контролем со стороны моего заместителя и меня лично.

Выяснив, что никто из ребят не собирается сходить с тропы войны, на которой они уже прочно стоят, я сообщил им об их новом командире, выбранном по соображениям конспирации, безопасности и контролируемости, — сержанте ГБ Ханнесе Вадере. Немного покочевряжившись, парни приняли и эту новость как неотвратимую — а как же иначе? Брат и друг, занимающий какое-никакое, а важное положение, принять под свое командование не может: ведь рядом есть «родные», советские командиры, просто не поймут... Разобравшись с этим вопросом, пришлось приступить к другому — рассказывать обо всем, что происходило лично со мной...

Беседовали мы еще часа четыре, прерывались один раз для приема пищи и пару раз для чаепитий с обалденно вкусными консервированными булочками, почему-то именуемыми бисквитами, и прочими сладостями американского производства. По требованию моих друзей даже пришлось хромать за своим хаверсаком, бережно хранящим заинтере-

совавшие их награды. Кольт с дарственной надписью от самого Омара Брэдли заставил всех одобрительно хмыкать и говорить «здорово!», а уж сверкающая россыпь ценных наград вызвала у всех маниакальные приступы уважения. Каждый вознамерился похвалить меня и выразить свое уважение, но это все было отнюдь не весело — я ведь отчетливо помнил, чего стоила каждая из наград. Война словно произдевалась надо мной, взяв за награды не очень высокую плату в виде ранений, не нанесших несовместимых со службой увечий, но оставивших заметные уродства в виде многочисленных шрамов... Мое уныние друзья просекли и ловко сменили тему, вынудив отбросить горькие мысли.

Закончили мы уже далеко за полночь, когда весь лагерь вновь отошел ко сну, погрузившись в тишину осеннего леса. Выйдя на воздух, мы все, не сговариваясь, втянули полной грудью свежий запах леса, травы, ночи, природы... Незначительные вкрапления запахов бензина, еды и прочих примесей, присущих обиталищам людей, не перебивали той безмерной чистоты, что ощущалась вокруг...

Одновременный выдох вызвал у нас произвольный порыв смеха, разбудивший задремавшего на посту милиционера.

— А?! Что такое?! Кто здесь? Стоять! — вскинув ППШ, возмущился пробудившийся страж правопорядка. Невысокого роста, но богатырского склада парняга, словно большой кот, перетек из сидячего положения в полностью боеготовое стоячее. Стало чуточку не по себе — чувствовалась немалая такая опасность, исходящая от этого бойца.

— Ах-ха-ха! Я первый лейтенант Пауэлл, товарищ... э-э-э...

— Старший милиционер Павел Горбунов, товарищ первый лейтенант! Извините, не узнал в темноте! — виновато ответил милиционер, опустив автомат.

— Ничего страшного, всякое бывает, товарищ Горбунов...

Милиционер успокоился и вернулся на свой пост, а мы с друзьями, измотанные, но удивительно умиротворенные и

довольные жизнью, отправились спать. Впереди нас ждал новый день! Хотя он уже наступил. Значит, новый день нас дождался!..

Эх, не знаю я, когда эта песня «Утро красит нежным цветом...» была написана, да и не до нее нынче. Вспомнилась что-то... Бр-р-р! Холодно спать в палатке под тонким одеяльцем! Не май месяц на дворе для таких героических походов, но грешно жаловаться: жив, крыша над головой есть, чего еще надо? Пожрать надо!

Столовую под навесами, где раньше снаряды хранились, еще не до конца обустроили, но за первыми грубо сколоченными столами уже восседали едоки обоих подразделений. Люди общались, зачастую не понимая собеседников из-за языковых нестыковок, смеялись, а главное — питались!

Мой голод не особо утолили определенные поваром командирские нормы питания — тарелка дымящегося омлета из яичного порошка, с беконом и консервированными овощами, кружка обжигающего какао, галеты и опять же консервированные фрукты и ягоды. Мало мне этого было, да спасибо повару, толстощекому, усатому сержанту-белорусу, выделившему от щедростей душевных «товарышу, першаму лейтэнанту» лишнюю порцию.

Подкрепившись, перекинулся за столом парой слов со Спирсом и Оклэйдом. Потом заглянул к Гэтри и порадовался известию о скором приведении всей техники нашего и союзного подразделений в полностью рабочее состояние. Зашел к брату и ребятам, поговорил с ними и со спокойной душой продолжил мой неофициальный обход лагеря. Но на полпути к Вермонту меня перехватил посыльный от Томилова и попросил срочно зайти в штабную землянку старлея...

— Здравия желаю, товарищи командиры. — Вадер на миг оторвался от бумаг, над которыми корпел, и кивнул мне. Клим крепко пожал мне руку. — Что-то случилось, товарищ Томилов?..

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Своевременная помощь	7
<i>Глава 2.</i> Бронетранспортер уходит от погони	67
<i>Глава 3.</i> Удивительные люди	132
<i>Глава 4.</i> Мое место	179
<i>Глава 5.</i> Второе дыхание.	224
<i>Глава 6.</i> Побег из Касабланки.	262
<i>Эпилог</i>	309